

Павел БУБЕЛЬНИКОВ:

Все мои мысли — о будущих постановках

9 НОЯБРЯ ИЗВЕСТНОМУ ПИТЕРСКОМУ ДИРИЖЕРУ,
ОСНОВАТЕЛЮ И МУЗЫКАЛЬНОМУ РУКОВОДИТЕЛЮ
ТЕАТРА «ЗАЗЕРКАЛЬЕ» ИСПОЛНИЛОСЬ 70 ЛЕТ

Чего никак не скажешь, если ознакомиться с графиком его репетиций, спектаклей и концертов. И при личном общении Павел Аронович совсем не оставляет впечатления пенсионера. Все его мысли — о будущих постановках.

ЧТОБЫ РАЗГОВАРИВАТЬ С ДЕТЬМИ, НЕ НАДО САДИТЬСЯ НА КОРТОЧКИ

— Вы по образованию пианист и дирижер, у вас огромный опыт работы во «взрослом» театре и со «взрослыми» оркестрами. Вас не стесняют рамки оперы для детей?

— Ни в коем случае. До работы в детском театре я отслужил четверть века (с 1968 по 1993 год. — Прим. авт.) в Малом оперном. Потом я по собственному желанию отпочковался, и мы с моим другом и коллегой режиссером Александром Петровым создали «Зазеркалье». Когда мы открыли театр, у нас была труппа из 14 артистов и 14 человек оркестра. Но потихоньку мы стали наращивать репертуар и привлекать новые силы. Не забывали и о взрослой аудитории: «Богема» и «Баттерфляй» Пуччини, «Золушка» Россини — это монументальные оперные сочинения, которые сыграны уже слаженной труппой артистов.

— А вы не скучаете по большому симфоническому оркестру, с которым можно играть симфонии Малера?

— Если бы мне было некомфортно, я бы совсем иначе построил свою жизнь. А Малер — композитор масштабный и доступен лишь дирижерам мирового класса, которые приезжают на гастроли и им предоставляют площадку. За такими дирижерами огромный километраж опыта. Очень много замечательного проходит мимо, тем не менее могу сказать, что и через мои руки проходят и достаточно серьезные симфонические сочинения, и я делаю их с лучшими симфоническими оркестрами Санкт-Петербурга. Сейчас становится очень даже приличным симфонический оркестр Театра «Зазеркалье».

— Скажите, а в чем специфика музыкального диалога с детской публикой?

— Мне кажется, что с детьми, как и со взрослыми, надо разговаривать серьезно, без специального какого-то сленга. Мы не садимся на корточки, хотя у нас есть спектакли для самых маленьких, но и в них

всегда есть какие-то серьезные вещи, освещение довольно-таки серьезных проблем.

КОГДА МЕНЯ В ДЕТСТВЕ БРАЛИ В ТЕАТР, ЭТО БЫЛО СЧАСТЬЕ

— А как относитесь к тому, что вас обязывают писать «18+», «12+»?

— Я считаю, что это какая-то ошибка в трактовке нашей деятельности. Ребенок под опекой родителей может приходить и на взрослые спектакли. Даже если он будет чего-то недопонимать, то его осведомленные родители наверняка побеседуют с ребенком. Музыка — это эмоциональное восприятие, доступное человеку с самого раннего возраста. Есть такие родители, которые своих детей приводят в театр с самых малых лет, — и это очень правильно.

— Даже на «Мадам Баттерфляй»?

— «Мадам Баттерфляй» — это величайшая музыка, которая не может не воздействовать на эмоциональное состояние любого человека, в том числе и ребенка. Наталья Ильинична Сац, директор Московского детского театра, в свое время «осветила» наш театр, побывав на нашей премьеры. Она тоже, кстати, имела в репертуаре своего театра «Мадам Баттерфляй». И когда ее спросили о том, как же это произведение сочетается с другими из детского репертуара, она ответила, что

такую великую музыку надо знать с малых лет.

— Без купюр? Она же большая...

— В Мариинке есть такой певец — Евгений Акимов, он водил своего шестилетнего сына на Вагнера, на «Золото Рейна» — малыш сидел до самого конца как вкопанный, несмотря на хронометраж около трех часов без перерыва. Сам театр, постановка, свет очень влияют на воображение ребенка. Даже если он детально не все понимает, может воспринять музыку эмоционально. Я помню себя: я начал заниматься музыкой с пяти лет, мой отец был дирижером. Я пропал в театре, в оперной студии нашей Консерватории. Это была моя любимая площадка для отдыха. Когда меня, маленького, брали в театр — это было большое счастье. Ребенка надо воспитывать с малолетства: если научишь его шести языкам сразу, он и будет говорить с вами на шести языках.

СОСТОЯНИЕ ЗДОРОВЬЯ ПОЗВОЛЯЕТ ДУМАТЬ О БУДУЩЕМ

— Есть у вас невоплощенные мечты? Хотели бы поставить что-то такое, чего еще никогда не ставили?

— Есть такие вещи, о которых я могу только мечтать, и мы их никогда не сможем поставить, например «Турандот» Пуччини. Это масштаб, это огромный оркестр, хор, большая сцена. «Пиковая

дама» давно уже манит, призывает. Для воплощения этих идей нужен арсенал средств, которые не всегда можно найти.

— Какие произведения из поставленных вами за эту четверть века самые любимые?

— Я очень люблю «Богему», «Золушку», «Иоланту», декорации к которой, к сожалению, погибли, но мы ее обязательно возобновим, потому что Чайковский нам необходим. Из современных у нас была прекрасная опера Геннадия Баншикова «Любовник Мельпомены». Это произведение было написано к 300-летию Петербурга у Федоре Волкове, родоначальнике русского театра. Мы хотим попытаться с Ольгой Шуршиной, нашей потрясающей певицей, сделать «Человеческий голос» Пуленка. Это очень тонкая вещь, французский язык, такая нервная материя, такое женское переживание, вся эта история на грани помешательства.

— С каким чувством воспринимаете юбилей?

— Я к этому отношусь совершенно спокойно, для меня это никакой не рубеж. На сегодня состояние моего здоровья позволяет думать о будущем. Сколько лет мне еще отпущено, не знаю, но я всегда буду смотреть вперед. История — это хорошо, но хочется многое еще сделать, многое попробовать. Силы еще есть.

Беседовал Вячеслав КОЧНОВ
Фото автора

Полную версию интервью
Павла Бубельникова
читайте на сайте
vppress.ru

